

Новый император взошёл на престол, и его должны были вернуть в Императорский дворец, чтобы поселить в одном из величественных залов, дабы показать милосердие Сына Неба и уважение к сыновней почтительности.

В темноте Наньгун Юйлян сидел у окна, обхватив колени и глядя наружу.

Почему я никогда не видел вас во сне? Почему... Но это уже не важно. Если вы не придёте ко мне, я сам найду вас!

— Князь, мне нужно с вами поговорить.

Я хочу сказать вам, что мне не следовало беспокоиться о пустых церемониях. Если бы я знал... Если бы я знал, что вы уйдёте так быстро, даже если бы весь мир меня проклял, даже если бы вы ненавидели меня, я бы не отошёл от вас ни на шаг. Мне не следовало оставлять вас одного во дворце, не следовало позволять вам уйти в темноте и одиночестве.

С резким звоном бронзовый кубок упал на пол, и Наньгун Юйлян с улыбкой рухнул на ложе.

В первый год правления Дасин, через пять дней после кончины императора У, вдовствующая императрица Сюандэ Наньгун Юйлян внезапно скончалась от болезни, оставив завещание похоронить её к западу от гробницы императора Сюаня. Западная часть гробницы Сюаня находилась напротив гробницы императора У.

Возможно, из-за сильной снежной бури в столице императорский указ достиг земель У с большим опозданием. Это, возможно, было благословением, ведь некоторые новости могут разбить сердце, особенно тем, кто оставался в неведении.

В маленьком дворике у восточных ворот посёлка Шуйчжэнь Цюй Фэнхуэй медленно вошёл во двор. Сквозь окно слышались смех Линь Ваньфэна, игравшего с Ху-эром. Он вздохнул, но тут же сдержался.

— Сяо Фэн.

Линь Ваньфэн повернул голову к нему и вдруг нахмурился:

— Почему ты не дома с господином Гу, а всё время приходишь ко мне?

— Ох, ты, паршивец, совсем не меняешься, — покачал головой Цюй Фэнхуэй, взглянув на Ху-эра, и, не удержавшись, щипнул его.

Хлоп! Линь Ваньфэн бросил на него сердитый взгляд, и молодой господин Цюй сконфуженно убрал руку. Он уже собирался сесть, как вдруг Линь Ваньфэн спросил:

— Господин Цюй, как ты думаешь, этот Бай сможет пожить здесь какое-то время?

— А зачем тебе это? — небрежно спросил Цюй Фэнхуэй.

— У Ху-эра и Цяньцянь нет никакой серьёзной болезни, это сестрица Хун всё преувеличила. Я просто запаниковал, но раз уж мы вернулись, и этот Бай тоже одумался, я думаю, почему бы не дождаться благоприятного дня и не устроить здесь ловушку для старого хитреца?

Линь Ваньфэн отвернулся. Цюй Фэнхуэй, взглянув на его покрасневшее лицо, сжал губы и, сжав кулак, уже собирался заговорить, как вдруг Линь Ваньфэн встал.

— Идёт снег!

Линь Ваньфэн подхватил Ху-эра и быстро вышел.

Цюй Фэнхуэй последовал за ним и, стоя под навесом, наблюдал, как Линь Ваньфэн, стоя во дворе, смотрел на падающие снежинки с радостью на лице. Цюй Фэнхуэй знал, что в его сердце радости было ещё больше.

— Ха-ха... Господин Цюй, как ты думаешь, какое выражение лица будет у этого Бая, когда он обнаружит, что я связал его и затащил в брачный покой?

Линь Ваньфэн смотрел на него, хитренько улыбаясь. Цюй Фэнхуэй глубоко вздохнул и встал рядом:

— Хе, этот парень, наверное, сделает вид, что сопротивляется, но в итоге сдастся. Он просто притворяется строгим!

— Точно!

Навес покрылся снегом, что было редкостью для этих южных земель. Над ветвями висел полумесяц. Цюй Фэнхуэй, выдохнув алкогольный запах, махнул рукой и снова встал под навес.

Сзади доносились уговоры братца Ху и крики паршивца, который не унимался. Он смотрел на полумесяц, и его брови слегка дрогнули, постепенно напрягаясь.

— Шестой господин Бай, возможно, мне не следовало уговаривать тебя согласиться.

— Что случилось?

Сзади раздался голос сестрицы Хун, и она встала рядом:

— Не видела тебя несколько лет, а ты уже поэтом стал? Видно, выпить стал хуже, чем у твоей сестры.

— Хе-хе, сестрица Хун, у кого в постоялом дворе хватит выпить против тебя? — бросил на неё взгляд Цюй Фэнхуэй.

— Когда шестой господин не страдал от своей болезни, он мог выпить немало, но никогда не пил больше меня. Если бы он пил, я бы уже давно добилась своего.

Сестрица Хун, уже слегка подвыпившая, улыбнулась и поддразнила его.

Ха-ха... Цюй Фэнхуэй вспомнил те дни, когда он рубил мечом и пил кровь, но при этом был бесшабашным. Он прислушался к звукам внутри и ответил:

— Если бы это было так, то и паршивец, и братец Ху остались бы ни с чем.

— Теперь думаю, шестой господин далеко не так хорош, как мой старый Ху.

Сестрица Хун повернулась к дому, улыбнувшись мягко и нежно. Цюй Фэнхуэй посмотрел на неё сбоку, редко видя в этой дерзкой женщине такую мягкость и покладистость.

— Эй, паршивец говорил мне, что через несколько дней шестой господин вернётся и женится. Правда?

— Паршивец действительно так планирует.

Сестрица Хун нахмурилась, но вдруг рассмеялась и хлопнула Цюй Фэнхуэя по плечу:

— Неужели шестой господин снова попал под давление свадьбы?

Его уже давно принуждали. Цюй Фэнхуэй улыбнулся, снова взглянул на дом и вдруг почувствовал тяжесть и неловкость. Он поклонился сестрице Хун и сказал:

— Сестрица Хун, я пьян, пойду домой, а то Яньянь будет ругаться.

Сестрица Хун кивнула. Цюй Фэнхуэй, выйдя во двор, остановился, повернулся и посмотрел на свет в доме. Вдруг он сказал сестрице Хун, стоящей под навесом:

— Сестрица Хун, мы обязательно должны позаботиться о Сяо Фэне.

Сердце сестрицы Хун дрогнуло. Очнувшись, она увидела, что Цюй Фэнхуэй уже исчез за воротами. Она обернулась и посмотрела на пьяного паршивца, и в её сердце закралось предчувствие беды.

Река слегка блестела, паруса были натянуты. Сяо Фу-цзы, накинув плащ, вышел из каюты и встал на палубе, глядя вдаль.

— Сколько ещё до прибытия?

— Не беспокойтесь, господин, — улыбнулся лодочник. — Хотя снег и выпал, но мы всё же не на севере. Завтра точно доберёмся до Шуйчжэня.

— Постарайтесь побыстрее, — сказал Сяо Фу-цзы, глядя на реку. — Кто-то ждёт новостей.

— Хорошо.

Шуйчжэнь.

Дун... дун... дун...

Из башни донеслись девять ударов колокола, пролетев сквозь облака. Сестрица Хун сидела у окна, глядя на постепенно собирающихся на улице людей, и слегка нахмурилась.

— Девять ударов — это смерть Сына Неба.

Едва она произнесла это, снизу донесся голос:

— Указ Сына Неба: покойный император скончался, князь Цзинь, проявив сыновнюю почтительность, взошёл на престол. Все провинции должны соблюдать траур, винные лавки должны...

— Какие проблемы, — сестрица Хун закатила глаза, но, очнувшись, вдруг удивилась:

— Что случилось?

Линь Ваньфэн сидел напротив, держа в руках чайную чашку. Его тело слегка дрожало, а взгляд был прикован к солдатам, читающим императорский указ. Сестрица Хун подняла руку, собираясь коснуться его, но Линь Ваньфэн внезапно бросился вперёд, и чашка упала на пол.

Этот Бай, что он несёт! Что он несёт!

Линь Ваньфэн сбежал по лестнице, с грохотом распахнул дверь, и его руку схватил Цюй Фэнхуэй, тяжело дыша и крепко держа его.

— Сяо Фэн.

— Господин Цюй, этот человек несёт чушь, чтобы напугать меня. Я пойду к этому Баю, чтобы он заступился за меня. Он обязательно заступится за меня.

Линь Ваньфэн посмотрел на него, его губы слегка дрожали.

Цюй Фэнхуэй снова крепко схватил его, мягко повернул его тело и тихо сказал:

— Сяо Фэн, он не несёт чушь.

— Не может быть, я пойду к этому Баю, чтобы он заступился за меня. Он обязательно заступится за меня.

Линь Ваньфэн вырвался и, сделав шаг, упал на землю.

— Сяо Фэн!

Сестрица Хун как раз вышла и поспешила поднять его:

— Что происходит!

— Когда мы уезжали из столицы...

Цюй Фэнхуэй глубоко вздохнул и, подойдя, посмотрел в глаза Линь Ваньфэну:

— ...шестой господин Бай велел мне передать тебе: «Жизнь длинна».

— К чёрту длинную жизнь, к чёрту жизнь!

Линь Ваньфэн кричал, резко толкнул Цюй Фэнхуэя и побежал к переправе.

Какая длинная жизнь, этот Бай, что ты мне говоришь! Нет... без тебя... какая жизнь!

У реки кружились снежинки, на переправе никого не было. Маленькая лодка медленно причалила. Линь Ваньфэн, увидев, что лодка приближается, уже собирался подойти, как из неё вышел человек, закутанный в плащ, закрывающий его обзор.

— Ты... почему ты здесь?

Сяо Фу-цзы стоял на берегу, сквозь падающие снежинки глядя на Линь Ваньфэна. Он вдруг не смог говорить, смутно понимая, что если он скажет это, то разрушит человека в красном одеянии.

— Господин, Ваше Величество... его больше нет.

Ааа... Ааа...

Крик, не похожий на человеческий, разорвал небо, причиняя невыносимую боль.

— Сяо Фэн.

Цюй Фэнхуэй подбежал сзади и присел рядом:

— Послушай меня...

— Нет! Цюй Фэнхуэй, я не могу слушать... я не могу.

Линь Ваньфэн опустился на холодную землю, слегка подняв голову и глядя на воду:

— Я люблю его, я люблю его больше, чем кто-либо в этом мире, я люблю его больше, чем все, кто появлялся в его жизни. Никто из вас не понимает... не понимает!

Включая его.

Цюй Фэнхуэй пошевелил губами, но ничего не сказал.

Линь Ваньфэн прижал ладонь к земле. После мучительной боли его измождённое тело постепенно опустилось. Он прижал щеку к холодной земле, глядя на падающие снежинки.

— Человек, которого я любил больше всего, ушёл.

<http://bllate.org/book/16170/1454173>